

«Мышь» родила «Обезьяну»

Студенческие спектакли редко выходят за пределы учебных подмостков, еще реже становятся поводом к созданию нового театра. С театром «Ученая обезьяна» в порядке исключения случилось именно это. Придуманный студентами Школы искусств имени А.С. Пушкина Александром Жигалкиным, Эдуардом Радаюкевичем и Виктором Бакиным спектакль «Город мышей» родил театр — «мышь» родила гору.

На этой драматической пантомиме выросло не одно театральное поколение — оказалось, название-пароль «Город мышей» знают все. «В пятницу 13-го «Ученая обезьяна» играет юбилейный спектакль — 15 лет, — говорили я. — Как? Только 15? Уже 15? — спрашивали люди. — Надо же!..».

Их номер с музыкальными бутылочками, наполненными водой до строгой отметки, спорит в легендарности с номером с музыкальными спичками. Их стучалки, шушшалки и сопелки отлажены по терциям так, что любо-дорого. Потому что в «Городе мышей» принято только шушкать, стучать, свистеть, ползать, иногда с оглядкой, страстно танцевать. Положено ритмично менять жест смелый и открытый на жест пригнущенный и испуганный...

— Кто придумал название «Ученая обезьяна»?

Эдуард: Наш преподаватель Юрий Аншаров. У Евгения Вахтангова и Михаила Чехова была игра на гастролях, называлась «ученая обезьяна»: один был дрессировщиком, другой — ученой обезьяной. «Обезьяна» должна была беспрекословно выполнять все команды «дрессировщика». Эти спектакли — день они менялись. А второй уровень — мы все действительно ученые, у нас высшее патристическое образование. А обезьянистество — суть профессия. Все совпадает.

Александр: Неоднозначное название на самом деле. Нас часто с уюлом Дурова путают. Типичный случай: в МДМ несколь-

ко лет была репетиционная база, и мы там играли спектакль. Как-то произошла пожарня: «Тут вечером сегодня обезьянки будут выступать. Это вы?». Да, говорим. «А какие у вас обезьянки — большие, маленькие?» Да вот с меня, говорю. «А бывают еще больше, с Витой. Ну надо прийти будет вечером, интересно». Но как-то уже прикипело. Тем более мы так долго отставали это имя. Нас все время убеждают в том, что

театра «Ученая обезьяна» не существует. На земле он действительно не стоит — своего здания у нас нет. Но бренд есть, и мы его отстаиваем.

— А «Город мышей» отчего же?

Виктор: 15 лет назад, когда спектакль появился, перестройка только начиналась, и серый цвет во всем доминировал: в одежде, раскраске домов, характере людей. Все напоминало какую-то мышиную возню. Как показало время,

серь и придумываешь шутки к доминирующим мифологемам, которые идут в эфир программы. Кто от кого больше питается — ваш номер от ролик-ов или новые ролик-от ваших шуток?

Александр: Ролики никак не стимулируются нашими шутками, потому что последние лет пять или семь присылают одно и то же. Уже мозги всплывают, чтобы хоть как-то сорганизовать. Сейчас только у бомжей нет видеокamera, и каждый считает своим долгом хоть что-нибудь снять и отправить нам. Благо состояние народа растет, но фантазия от этого не увеличивается.

— И где у вас розеточка?

Эдуард: В метро катаемся, по улицам ходим, книги читаем. Недавно в «Совершенно секретно» прочитал детективную разработку «Евгения Онегина» — никогда не обращал внимания на разобраные там расклады. Надо будет перечитать.

Александр: В «СПИД-инфо» еще не забудь заглянуть.

Эдуард: А вот у них письма читателей интересные.

Александр: Вчера покупал еду, в магазин зашла совсем древняя старушка и попросила «шварцев-негровской колбасы». Мы как грибки. Идем по лесу, раз — и срезал.

Эдуард: Телевизор, кстати, очень питает. Это надо смотреть, чтобы зная язык своих врагов, их перекрестить, сказать: Господи, хорошо, что мы еще до этого не дошли.

— Минувшим летом мы покорили Эдинбургский фестиваль уличных театров. Чем ваша «маринба титочком» вышла лучше виртуозов барабанистов, факторов и пивагозителей со всего мира?

Виктор: Дело даже не в этом, там просто ничего похожего не было. Больше всего в нас «врубались» дети и зрители из сорок. Нам сказали, что нужно для поголоного покерения: чтобы в конце спектакля кому-нибудь отрубил голову или задницу разорвали на авансцене, вот тогда был бы уникальный спектакль. Так организаторы сформулировали, что сегодня считается модным и крутым в театре.

Эдуард: А если повелевать чем-нибудь зеленым в первый ряд, желательно произносить при этом галлетовский монолог — это просто популяризм, мысляю за пределами антрепренеров, для снятия признания артист должен отречься от всего человеческого и профессионального и без всяких ипр превратиться в обезьяну.

— Смех всегда был огромной силой классовым оружием. Вы в этом смысле — политработники?

Александр: Я против политического юмора. В «Мышах» и в «Сам себе режиссер» шуток, связанных с политикой, нет. Вот и спектакле наших коллег и друзей, театра «Квартет И». — «День выборов» — такого юмора преизобилует, он очень хорошего качества, и мне приятно в этом принимать участие. Но юморист — когда в эфире предлагают купить лотерейный билетик, всегда отвечало: «Я с государством и игры не играю». Я бы просто всю выборную историю записывал на видео и показывал в юмористических программах. Киндидат-депутат говорит минут десять — и ничего не сказал. Это же уметь надо!

— Вообще искусство неселого театра требует к себе серьезного отношения?

Эдуард (закрывает): Серьезное и грустное занятие. Устает организм — очень много через себя пропустить, чтобы не только отсечь шелуху и пошлостями, но и насмешить ее. Чтобы по-настоящему рассмешишь человека, надо понять, насколько он сейчас болен. А это работа на уровне экстрасенса. И нам тут делать некуда. Мы к этому приговорены.

Кто умнее: homo sapiens или ученая обезьяна?

Чтобы по-настоящему рассмешить человека, надо понять, насколько он сейчас болен

название не утратило своей актуальности. Всех нас опять переселяют в город мышей.

— Можно сказать, что «Ученая обезьяна» — альтернатива Театру сатиры?

Эдуард: Мы не занимаемся официально сатирой или эстрадой, хотя Шарингит, безусловно, наш педагог. Мы втроем репетируем сейчас у него «Шкелья...». Но мы ближе к музыкально-драматическому театру.

Александр: К эстраде у нас есть отношение, несларом худрук Театра эстрады Геннадий Хазанов позвал нас преподавать к себе на курс в РАТИ. Нам просто нравится делать какие-то шутки. Кто-то называет их «номерами», на самом деле это дурачество. Видимо, иногда получается неплохо, за это да деньги платят и по телевизору снимают. Но наш юмор не разговаривает, не петровско-сладковско-степановский, а немножко другой.

Эдуард: В современном театре много слова плохого и мало слова хорошего. Как писал Пушкин, у нас есть пружина чести по отношению к слову.

— Осип Брик в 1922 году написал заметку «О неграмотности» — речь шла о «летком жанре». В ней говорилось: «Леткий жанр, малое театральное искусство» — единственная современная форма театра. Отмечалось от нее — значит быть битым на театральном фронте». Чем объясните сегодняшнюю маргинальность сатиры, эстрады, клоунады?

Александр: Я видел живой концерт Петросяна. Был под завязку полный зал. Люди реально падали от смеха со стульев. Я послушал: мне не смешно. Почему? Я что, такой унылый? Скорее всего, это свидетельствует о том, что в широком смысле, в телевидении этому юмору пока нет достойной альтернативы.

Мы не убавляем большие массы людей, не ухаживаем их усмерть. Наши номера рассчитаны на то, чтобы не через уши в зрители попасть — мы почти не говорим в них, — а сразу в подсознание. Они минуток стеньку осмысливания. Как Высоцкий говорил: «Я специально беру очень простой мотив, чтобы текст, как алкоголь, разливался в души».

— Вы уже 12 лет работаете в авторской группе «Сам себе режис-

Владимир БОНДАРЕВ